

УДК 82.09

UDC 82.09

10.01.01. Филологические науки

Philological sciences

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА ОЛЬГИ СЛАВНИКОВОЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

ARTISTIC PROSE OF OLGA SLAVNIKOVA IN THE CONTEXT OF NOWADAY LITERARY PROCESS

Шестак Анастасия Николаевна
Аспирантка
*Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия*

Shestak Anastasiya Nikolaevna
Postgraduate student
*Kuban State University,
Krasnodar, Russia*

Статья посвящена анализу художественной прозы Ольги Славниковой в контексте литературы конца XX – начала XXI вв. Творчество писательницы изучено мало, исследование его в современном литературоведении представлено только в виде отдельных рецензий и анализа некоторых концептов и мотивов. Научная работа актуализирует проблему художественного метода в произведениях писательницы. Творчество многих современных писателей трудно причислять к одному конкретному художественному методу. В текстах некоторых из них пересекаются установки нескольких стилевых течений, иногда даже противоречащих друг другу. Творчество Ольги Славниковой в данном ряду не исключение. На различных уровнях ее прозы выявлены различные аспекты, характеризующие творчество Славниковой с точки зрения постмодернизма, магического реализма и женской прозы. Сугубо постмодернистскими являются категории Смерти и Пустоты, идея означаемого небытия и иллюзорности реального, с точки зрения магического реализма рассмотрены образы метафизических существ и потустороннего мира, также упоминаются личные и психологические мотивы как художественные установки женской прозы. Кроме того, при постмодернистском осмыслении реальности для всех произведений характерен реалистический психологизм, некоторые константы постмодернизма раскрыты с помощью стилевых установок магического реализма

The article analyzes the literary prose by Olga Slavnikova in the context of the literature of the late XX – early XXI centuries. The work of the writer is poorly investigated; the study of it is presented in modern literature only in the form of reviews and analysis of some of the concepts and motives. Scientific paper actualizes the problem of artistic method in the works of the writer. It is difficult to classify into one particular artistic method the work of many modern writers. The installations of several trends intersect in works some of them, even contradictory sometimes. Creativity by Olga Slavnikova isn't exception in this series. At all levels of her prose, we have revealed various aspects that characterize the work of Slavnikova from the point of view of postmodernism, magical realism and women's prose. Categories of Death and Emptiness, the idea is the signified of existence and the illusory nature of the real are purely postmodernist, from the point of view of magical realism examines the images of metaphysical beings and the other world, also mentions personal and psychological motives as an art installation of women's prose. Furthermore, with a postmodern understanding of reality realistic psychology characterized for all works, some constants of postmodernism are revealed using style settings of magical realism

Ключевые слова: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТОД, ПРОЗА, ПОСТМОДЕРНИЗМ, МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ, КОНЦЕПТ, МОТИВ

Keywords: ARTISTIC METHOD, PROSE, POSTMODERNISM, MAGICAL REALISM, CONCEPT, MOTIVE

Творчество многих современных писателей трудно причислять к одному конкретному художественному направлению. В их текстах пересекаются установки разнородных стилевых течений, иногда даже

противоречащих друг другу. Эксперименты с формой и содержанием становятся основой для создания оригинальных авторских приемов, что делает прозу рубежа XX-XXI вв. самобытной, отличной от других. Творчество Ольги Славниковой в данном ряду не является исключением.

Первый, имеющий успех роман, – «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» – вошел в шорт-лист «Русского Букера» и был издан в 1996 году. Многие критики говорили о нем как об образце «магического» реализма. Впоследствии Славникова создала ряд произведений, стилевые черты которых делают возможным отнести ее творчество к «новому» реализму, сохраняя при этом постмодернистские приемы. Проза писательницы становится предметом споров: «Уральский писатель Александр Чуманов как-то сказал: молодец Славникова, так быстро написала первоклассный постмодернистский роман! Он говорил о «Стрекозе». На самом деле Славникова – писатель-реалист. Показательна сама приверженность ее к роману, жанру, дающему широкие возможности для «отражения жизни» (Сергей Беляков «Сестра ее смерть») [1].

Задачами данной статьи является анализ произведений Ольги Славниковой в контексте постмодернистского и реалистического художественных методов, выявление творческих установок на разных уровнях прозы.

Прозу Ольги Славниковой можно рассматривать в контексте нескольких стилевых течений конца XX века одновременно. Самое крупное из них - постмодернизм. Эстетика постмодернизма явственна на образно-тематическом, концептуальном и языковом уровнях ее произведений. Тематика в романах Славниковой, на первый взгляд, однородна – описание бытия человека в рамках окружающей его реальности, которая оказывается искажена, разрушена и иллюзорна. По мнению М. Н. Эпштейна, все в постмодернизме имеет характер гиперреальности, то есть все, что создается либо находит отражение в

человеческом сознании, не более чем иллюзия, однако она становится более точной, более «реальной» реальностью и выводится на первый план [11, 9].

В текстах Славниковой быт персонажей описан с помощью огромного количества деталей, картины действительности выглядят преувеличенно четкими, посредством чего создается впечатление иллюзорности человеческого существования в привычных сознанию пространственно-временных рамках. Так в романе «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» действительности, в которой живут герои, отведено много пространства, действие отходит на второй план, между редкими событиями их жизни показано статичное существование в деталях быта, города, природы. В результате у персонажей не оказывается ни прошлого, ни будущего, все повторяемо, а настоящее наполнено психологической пустотой. Единственное, что по-настоящему реально – предметы описываемой действительности, однако и с ними персонажи часто теряют связь: «В детстве комната, как и улица, представляла собой сквозное собрание самостоятельных вещей. По вечерам гладкий свет маминой настольной лампы объединял их гораздо естественней и лучше, чем четыре грубые стены, к тому времени как будто исчезавшие. В этом скудном пологом свете, неподвижно лежавшем тут и там, было что-то похожее на первый снег: он так же выделял высокие округлые части предметов, соединял нетронутой волной асфальт и палый лист, гранитный парапет и забытую на нем перчатку. Казалось, перчатку теперь невозможно взять, потому что снеговая скорлупа сразу сломается, пропадет, — и такая охватывала жалость к недолговечному изделию природы, готовому разрушиться, как только наследит пешеход или тронется переночевавший у подъезда старый «Запорожец». Точно так же девочка жалела вечернюю комнату — готова была не брать из нее ни яблока, ни книги, ни свитера из шкафа, только бы она оставалась такой

навсегда»[9, 23]. Здесь иллюзорность реальности показана сквозь призму сознания героини. «Самостоятельные вещи» отделены от пространства и друг от друга, даже их статичность кажется недолговечной. Жизнь, как и мир, представляется в виде скопления фрагментированных, неупорядоченных деталей. Также отделены от действительности живущие в данном иллюзорном пространстве мать и дочь, образы их зеркальны, судьбы цикличны и замкнуты, существование персонажей ориентированно на небытие (недаром в романе не раз поднимается тема смерти). Изображение реальности в преувеличенном виде приводит к разрушению реальности как таковой, что сближает поэтику романа с эстетикой постмодернизма.

Подобное осознание реальности как чистой иллюзии, что по выражению М. Эпштейна характеризует постмодернизм [11, 9], лежит и в основе образно-тематической структуры ряда других текстов О. Славниковой: романов «Один в зеркале», «Бессмертный», «2017», «Легкая голова», рассказа «Басилевс», сборника «Любовь в седьмом вагоне».

В романе «Бессмертный» статичность действительности тождественна статичности «мертвому» времени, при этом у каждого персонажа оно свое. Иллюзия бессмертия подчеркивает призрачность реальности как таковой, кроме того все в романе, исключая парализованного ветерана Харитонова, заинтересованы в этом и моделируют искусственную реальность в ее застывшем виде. Каждый из персонажей живет в собственном, отдельном от других, пространственно-временном отрезке: жена ветерана живет в прошлом, которое продолжается столько, сколько жив ее муж, ее дочь Марина находится в искусственном времени, которое создает сама из фрагментов прошлого и настоящего, существование самого ветерана ограничено бестелесным настоящим, из которого он небезрезультатно пытается выкарабкаться. Здесь иллюзорность реальности сопряжена с дезориентацией во времени,

пространственно-временные рамки раздвинуты и имеют неупорядоченный характер.

В рассказе «Басилевс» герои зависимы от предметов, в которых в той или иной степени приостановлено время. Елизавета Николаевна, бытие которой ограничено стенами квартиры, окружила себя исключительно ветхими вещами, питалась старыми консервами, «как в военное время» меняла вещи на еду и «ничего не понимала в деньгах» [7, 312]. Внутреннее время героини также остановлено: «При ближайшем рассмотрении становилось ясно, что Елизавета Николаевна никакая не старуха, но дивная и удивительная женщина без возраста. Возраст она утратила, когда после выпускного состригла золотые проволочные косички и вышла замуж за пожилого чиновника Внешторга...» [7, 306]. Таксидермист Эртель – изготовитель чучел, в которых время статично для предметов уже лишенных жизни. В обеих ситуациях жизнь представлена как иллюзия, детали, используемые для создания образной системы рассказа, не отсылают к реальности, с которой у героев нет связи.

На мотивном уровне творчество О. Славниковой представлено рядом концептов, также позволяющим рассматривать его в постмодернистском контексте. Одним из значимых является концепт «смерть». Недаром финалом всех вышеупомянутых романов, а также рассказа «Басилевс» является кончина того или иного персонажа. В прозе Славниковой всякая материя стремится к умиранию, и человеческая жизнь, протекающая в системе неупорядоченного времени, постоянно ориентирована на смерть. Это сообщает ее текстам постмодернистскую поэтику деструктивности и идею отсутствия. Жизнь сама по себе – игра знаков, воплощенных в форму бытовых деталей, природные явления, сновидения и галлюцинации. С прекращением телесного существования человека эта игра оказывается прервана, за ней стоит небытие, а бытие является лишь иллюзией.

Персонажи часто бросают вызов смерти, пытаются играть со знаками, напоминая им про нее, и они же, так или иначе, уходят из жизни. Так существование человека стремится к означаемому небытию. В романе «Один в зеркале» Вика хранит фотографию погибшего одноклассника, пытается покончить с собой и в финале попадает в автокатастрофу. В романе «2017» профессор Анфилов и его помощник Николай, несмотря на знаки и видения, предупреждающие их, движутся дальше по реке в поисках корундов и в итоге погибают от отравления цианидами. Его ученик Крылов, не учитывая даже наступающие холода, отправляется по их следам явно в неизбежную гибель. В романе «Бессмертный» ветеран Харитонов прикладывает огромные усилия для того, чтобы уйти из жизни, в итоге умирает естественной смертью. Героиня «Стрекозы, увеличенной до размеров собаки» воспринимает скорый уход матери как событие, которое способствует устройству ее личного счастья, однако после похорон сходит с ума, время и пространство для нее полностью разрушаются, в финале героиня погибает. В «Легкой голове» общество толкает на самоубийство живущего легкомысленной жизнью героя, впоследствии он и сам приходит к этому.

Семантика смерти часто появляется на страницах славниковских произведений. Это и уход из жизни нескольких эпизодических персонажей в каждом тексте, и детали характеров, образов, и языковые особенности. Каждый раз это вкладывает в рассматриваемый концепт идею Небытия как первооснову, к которой движется мир. Например, для романа «Один в зеркале» писательница выбирает эпиграф из «Приглашения на казнь» В. Набокова: «Итак – подбираемся к концу». В «2017» героиня Тамара занимается ритуальными услугами, при этом масштабы ее дела приобретают очень широкий, почти промышленный и весьма оригинальный характер. Смерти отводится очень важная роль в жизни человека, достойная немалых вложений и роскоши. Нельзя забывать, что

ее действия приводят к губельному отравлению окружающей среды, что также очень символично.

Стоит обратить внимание также на реализуемый в текстах Славниковой концепт пустоты, который стал традиционным для всего постмодернизма. Пустота – основа человеческого существования, психологии и межличностных отношений. Персонажи страдают внутренней пустотой, одиночеством, зачастую усталостью и ощущением исчерпанности жизни. Также пустота проявляется в человеческих отношениях (например, пустота в отношениях между матерью и дочерью в «Стрекозе, увеличенной до размеров собаки», отсюда отсутствие диалогов в тексте), когда герои сосуществуют параллельно друг другу. Как результат – пустота непонимания и неустроенности человека в мироздании. Так герои романа «Один в зеркале» не способны к простому диалогу: «Все-таки он пытался добиться от Вики чего-то положительного, позитивного, даже рисковал выяснять отношения... Скоро Антонов заметил, что такие стычки стали повторяться до буквальной одинаковости слов. Теперь ему и Вике было проще говорить о ком-то постороннем» [7, 65]. Вместе с тем материальная пустота незаполненного пространства напоминает человеку об иллюзорности реального: «Подъезд был пуст голый и гулкой ночной пустотой, надписи на стенах выглядели как тени чего-то существующего, каких-то невидимых, стоящих в воздухе решеток» («Стрекоза, увеличенная до размеров собаки») [9, 7].

Пустота связана с мотивом отсутствия, когда на месте означаемого оказывается Ничто. Так герой романа «Легкая голова» ощущал пустоту на месте собственной головы: «Максим Т. Ермаков, счастливый владелец «Тойоты»-трехлетки и бренд-менеджер ужасающих сортов молочного шоколада, подъезжал к своему шоколадному офису с привычным ощущением, будто у него на плечах нет головы. При этом голова курила,

видела мокрую парковку с надувным снеговиком в черной январской луже. Тем не менее – она отсутствовала» [8, 3].

Вместе с тем рассматривать творчество О.Славниковой исключительно в контексте постмодернизма было бы неверно. Отдельно взятые образы и мотивы позволяют говорить о чертах магического реализма в ее текстах. На уровне сюжета – это описание конкретных бытовых ситуаций как нереальных, то есть то, что на первый взгляд кажется, например, обычной зарисовкой интерьера, имеет скрытый, запредельный смысл: «На тумбочке и на полу стояли банки с водой из-под цветов: в одних вода была свежая, ясно-округлая, в других почему-то закисло и стала тяжелая, будто яичный белок, и подле все было усыпано папиросными лепестками, подернуто как бы первой пленкой собственной почвы, где труха умершего букета соединялась с пылью брошенного жилья. Тихо стучали часы, на странно голом циферблате черная двойная стрела показывала полночь. Рифленое стекло на комнатной двери золотилось, зыбилось, будто там перепархивало что-то» («Стрекоза, увеличенная до размеров собаки») [9, 8]. Здесь «мертвые» старые вещи напоминают читателю о неустроенности человека в системе мироздания и о непредсказуемости самой действительности.

На уровне системы персонажей магический реализм в текстах Славниковой представлен изображением метафизических существ. Они демонстрируют внутренний мир человека. В романе «2017» – это появляющаяся в разных обликах Хозяйка Горы (образ, явно заимствованный у Бажова). Она воплощает собой безотчетное стремление персонажей к природе и земле как первоисточкам их бытия. В «Стрекозе, увеличенной до размеров собаки» призрак матери является Катерине Ивановне в замкнутом пространстве их квартиры, указывая на повторяемость и безликость человеческой судьбы. Встреча с призраком нисколько не пугает героиню, мать даже после смерти остается

неотделима от быта и обыденной действительности дочери. Их молчаливое сосуществование на территории маленькой квартиры остается неизменным: «Она не боялась покойной матери, тихо скользящей по комнате, и вообще не понимала, почему это люди так страшатся мертвых родственников, не имеющих ничего, кроме облика, столь подобного им самим. Материнский силуэт, видный боковым неверным зрением, казался узким и неполным, словно картинка в полураскрытой книге, он появлялся и исчезал, западал, точно между страниц, меж каких-то складок стоячего воздуха. Если же Катерина Ивановна прямо глядела на мать, та в ответ тоже поворачивала к дочери землистое лицо: были ясно видны густые, как штопка, морщинки на обвислых щеках и под двумя серебряными старыми глазами, чей экстагический отлив как-то заменял направленный взгляд» [9, 250]. Часто в текстах Славниковой сам человек оказывается метафизическим существом, социальное и психологическое при этом отодвигается на второй план. Такими чертами наделены Елизавета Николаевна в рассказе «Басилевс», Максим Ермаков в «Легкой голове», Вика в романе «Один в зеркале», Таня в романе «2017».

Говорить о магическом реализме можно также, обращаясь к концептуальному уровню прозы Славниковой. Значимыми в ее текстах являются метафизические концепты Бытия, Потустороннего мира, Времени и Пространства. Данные понятия, так или иначе, реализованы во всех произведениях. Герой «Легкой головы» на протяжении всего романа решает проблему своего Бытия, Вика («Один в зеркале») и Елизавета Николаевна («Басилевс») стремятся к встрече с Потусторонним миром, к чему и приходят в конце, герой «Одного в зеркале» Антонов страдает от дезориентации во времени и пространстве.

Рассуждая о месте творчества О. Славниковой в современной литературе, нельзя не вспомнить о женской прозе. Эта ниша в литературе конца XX – начала XXI вв. представлена разноплановыми творческими

индивидуальностями, однако их художественные миры объединяют общие темы и мотивы, которые можно выделить и в исследуемых нами текстах.

Критики считают, что для женской прозы важен уход от социально-идеологических тем к личному, телесному и психологическому (в противовес тенденциозным советским установкам). Подобные художественные интенции характерны и для творчества Славниковой. Например, в романах «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» и «Бессмертный» и в рассказе «Басилевс» женское «личное» становится основой повествования. Жизнь героинь, их прошлое, воспоминания, страхи, надежды, а также восприятие ими окружающей действительности (быта, общественных перемен, взаимоотношений с другими персонажами) показаны подробно и с преувеличенной точностью. Молодости Софьи Андреевны и детству Катерины Ивановны посвящено чуть больше половины романного действия, все детали поданы через призму психологизма: «Первые ночи после ухода мужа у Софьи Андреевны выдались странные, словно полые, с одной опустевшей половиной квартиры, где гулкая акустика порождала шорохи, шелесты, звуки торопливых, исчезающих шагов» [9, 198]. Звуки шагов – овеществленное психологическое состояние героини, как и детские переживания Катерины Ивановны: «От железного хлябанья мать приоткрыла бессмысленные глаза и попросила принести таблетку аспирина. Лекарства хранились в старой коробке из-под обуви с одним оторвавшимся бортом, сверху заваленной останками поломанных очков. Сколько девочка ни рылась в целлофановых таблеточных упаковках, иногда стянутых резинками в пачки, иногда разодранных в шелуху – нигде не нашла даже обрывка слова «аспирин». На дне коробки, засыпанном белесой пылью и травяной лекарственной трухой, болталось множество таблеток россыпью: иные пожелтели и стали как костяные, иные мягко мазались на пальцы; между ними попадались лаковые пилюльки, побитые, но шустрые. Безымянные, они были так же

опасны, как и неизвестные болезни, соответствующие им и представленные ими, подобно тому как изношенное платье бывает представлено сохранившимися пуговицами» [9, 45].

В романе «Бессмертный» развернуто и эмоционально дано описание судеб Нины Александровны и ее дочери Марины. Жизнь старшей героини незамысловата, эта простота становится принципом ее мировосприятия: «Беспечная Нина Александровна, всю жизнь просидевшая в тихой проектной конторе, у чистенького окошка, всегда украшенного, на манер платка, то морозными узорами, то нарядными ветками кленов, никогда не беспокоилась о будущем, потому что долгие годы каждый новый день ее ничем не отличался от вчерашнего» [6, 5]. Неустроенная молодость до брака с ветераном кажется ей чем-то далеким, почти мифологическим. Настоящее же представлено Нине Александровне только уходом за больным мужем и тревогой о дочери, остальное не имеет смысла. Марина внешне воплощает важный для «женской прозы» образ новой женщины, вместе с тем внутренне она также страдает от одиночества.

Схожие темы Славникова поднимает и в романе «2017», и в сборнике рассказов «Любовь в седьмом вагоне». Исследуя ее тексты, можно смело называть писательницу одной из самых ярких представительниц современной женской прозы. Сама Славникова считает данное явление очень важным в истории русской литературы: «Женская проза создается и распространяется; появление писательниц в той профессиональной среде, которую прогнозисты нового тысячелетия уже объявили стайкой леммингов, бегущих топиться, свидетельствует о небезнадежных перспективах художественной литературы» («Та, что пишет, или Таблетка от головы») [10].

Таким образом, творчество Ольги Славниковой нельзя характеризовать с точки зрения сугубо одного литературного направления. В рамках каждого произведения можно выявить черты постмодернизма и

реализма, на концептуальном и образном уровнях в ее тексты включены общие для них категории (например, концепт «время», тема быта). При постмодернистском осмыслении реальности для всех произведений характерен реалистический психологизм, некоторые константы постмодернизма раскрыты с помощью стиливых установок магического реализма. Кроме того, Славникова является представительницей женской прозы, что также откладывает на тематику и стилистику ее прозы свой неповторимый отпечаток.

Литература

1. Беляков С. Сестра ее смерть [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/culture/2008/7/25/190059.htm>
2. Воробьева, Н.В. Женская проза 1980-2000-х гг.: динамика, проблематика, поэтика: дис. канд. филол. наук. – Пермь, 2006
3. Габриэлян, Н. Взгляд на женскую прозу / Н. Габриэлян // Преображение. – 1993. - №1.
4. Липовецкий М. Русский постмодернизм (очерки исторической поэтики): Монография. – Екатеринбург, 1997
5. Славникова, О.А. 2017. – М.: Вагриус, 2007
6. Славникова, О.А. Бессмертный. – М.: Октябрь, 2001
7. Славникова О.А. Басилевс. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 384 с.
8. Славникова О.А. Легкая голова: роман / Ольга Славникова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 414 с.
9. Славникова, О.А. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки. – М.: Вагриус, 2000
10. Славникова О. Та, что пишет, или Таблетка от головы // Журнальный зал. – 2000. -№3.
11. Эпштейн М. От модернизма к постмодернизму: диалектика «гипер» в культуре XX века // Новое литературное обозрение. – 1995. - №16

References

1. Beljakov S. Sestra ee smert' [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.vz.ru/culture/2008/7/25/190059.htm>
2. Vorob'eva, N.V. Zhenskaja proza 1980-2000-h gg.: dinamika, problematika, pojetika: dis. kand. filol. nauk. – Perm', 2006
3. Gabrijeljan, N. Vzgljad na zhenskiju prozu / N. Gabrijeljan // Preobrazhenie. – 1993. - №1.
4. Lipoveckij M. Russkij postmodernizm (očerki istoričeskoj pojetiki): Monografija. – Ekaterinburg, 1997
5. Slavnikova, O.A. 2017. – M.: Vagrius, 2007
6. Slavnikova, O.A. Bessmertnyj. – M.: Oktjabr', 2001
7. Slavnikova O.A. Basilevs. – M.: AST: Astrel', 2011. – 384 s.

8. Slavnikova O.A. Legkaja golova: roman / Ol'ga Slavnikova. – M.: AST: Astrel', 2011. – 414 s.
9. Slavnikova, O.A. Strekoza, uvelichennaja do razmerov sobaki. – M.: Vagrius, 2000
10. Slavnikova O. Ta, chto pishet, ili Tabletka ot golovy // Zhurnal'nyj zal. – 2000. -№3.
11. Jepshtejn M. Ot modernizma k postmodernizmu: dialektika «giper» v kul'ture HH veka // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1995. - №16